

Весь день и прошлая ночь прошли в безостановочной работе. Ночь они провели с Хироши: его состояние ухудшилось из-за усиливающейся инфекции, однако, после тщательного наблюдения и принятых мер, с рассветом лихорадка спала. Но он был не единственным их пациентом. После него на очереди шли роды, сломанная нога, которую нужно было вправить, неприятная простуда, которая могла перерасти в пневмонию, отрубленный палец и что-то похожее на ветрянку, но Юи надеялась, что это всё же не она.

Эйджи помогал ей описывать новый тип стеклянной посуды, необходимой для эксперимента, когда в дверь постучали. Сэн, — отмеряющий дозы порошкообразного аспирина, которые в дальнейшем нужно было упаковать в маленькие пакетики, — фыркнул, а Юи обменялась со своими учениками недовольным взглядом. Каждый раз, когда они садились писать, их кто-то или что-то прерывало.

Она встала и открыла дверь.

— Да?

Тобирама, брат Хаширамы, взглянул на нее. С ярко-красными пятнами на щеках, не менее красными глазами и белыми локонами волос. Он остался таким же внушительным, каким она его помнила. Доспехи явно кто-то потрепал, ноги покрывали бинты, но в остальном он выглядел прекрасно, если не считать принятой им напряжённой, жесткой позы.

— Целительница. — Поприветствовал он, наклонив голову. — Я здесь по поручению моего брата. Он сейчас... занят обязанностями главы клана и послал меня вместо себя.

— Понятно. — Пробормотала она. Значит, это наконец-то произошло. — Мне жаль твоего отца.

— Спасибо. — Его слова были такими же жесткими, как и весь его внешний вид. Он смотрел куда-то влево, вместо того чтобы встретиться с ней взглядом.

— Пройдешь в дом?

Он последовал за ней, и с каждым его движением становилось очевидно, что напряжение и жесткость — это не проявление злости, а... смущения? Маловероятно, что Тобирама чего-то стеснялся, но он явно чувствовал себя некомфортно. Эйджи и Сэн, в свою очередь, пялились на него безо всякого стеснения, во всю ширь распахнув свои глаза при виде столь странно выглядящего шиноби. Она налила чашку чая себе и Тобираме; мальчики только что поели, поэтому отказались. Несколько мгновений они молча потягивали чай, пока ее ученики о чем-то недобро перешептывались. Тобирама с каждым мгновением выглядел всё более беспокойным.

— Я слышала, ты женишься? — Спросила она, просто чтобы нарушить неловкое молчание.

— Да. — Тобирама слегка сдвинулся с места, посмотрев на учеников, а затем на чай.

— Ух ты, он так странно выглядит, — прошептал Сэн, — кто захочет выйти за такого замуж?

— Почти такой же странный, как те шиноби с белыми глазами, — согласился Эйджи. — он альбинос...

— Мальчики! — Она посмотрела на них. — Если вы не можете прилично себя вести при гостях, то уходите! Вы всегда можете посидеть в сарае.

— Мы уже достаточно там сидели!

— Очевидно, что недостаточно. — Она бурила их взглядом до тех пор, пока ученики не вздохнули и не ушли. Вернув внимание гостю, Юи решила перестраховаться и добавить официоза: — Извините за это, Тобирама-сан.

— Всё... нормально. — Он сделал глоток из своей чашки. — В их словах не было злого умысла.

— Это не определяющий критерий. Каков бы умысел ни был — это попросту грубо с их стороны. — Твердо произнесла она. — С ними будет проведена... беседа.

Несмотря ни на что, её ученики оставались подростками, склонными к глупым просчетам, тем более после столь долгого и тяжёлого дня. И не только дня. Но и ночи без сна и безостановочной работы. Так что их слишком развязный разговор вполне объясним. Но лучше бы им оправдать своё заявление о том, что они «уже взрослые» и следить за языком. Иначе и дальше будут в сарае сидеть.

Тобирама красноречивым взглядом окинул мешки под глазами девушки и неухоженные волосы.

— Я не хотел мешать. — Его взгляд переместился на пятна на ее рукавах, а затем вернулся к своей чашке.

Она покачала головой.

— Не беспокойся об этом. Ты пришел за мазями?

— Да. — Он колебался. — И еще. — Тобирама достал мешочек с монетами, два свитка, и положил их на стол. — Монеты — это плата, а свитки — знак благодарности.

— За что? — Спросила она, недоумевая.

Он коснулся свитка, и из него повалил дым. Когда он рассеялся, на вершине свитка появилась книга. Юи в замешательстве посмотрела на бумагу. Каким образом появилась книга? Откуда?

— Мой брат хотел подарить тебе это.

Юи взяла книгу в руки. Она была маленькая, в грубом переплете, выцветшая. Несмотря на потрепанный вид, от ее названия глаза девушки расширились чуть ли не вдвое:

«Чакра и медицина»

— Боги мои. — Прошептала Юи.

Она провела пальцами по грубой текстуре обложки; эмоции захлестнули девушку, вымывая накопившуюся усталость и провоцируя взрыв.

Хаширама дал ей это... Хаширама доверил ей эти знания. Знания своего клана. На внутренней стороне обложки длинными, размашистыми буквами сияла записка:

Я знаю, что ты просила не извиняться. И ты права, извинения излишни. Вместо них, я лучше тебя поблагодарю.

Твой друг.

Хаширама.

— У меня тоже есть подарок, который я хотел бы предложить. — Он поклонился, резко и неглубоко, и выпрямился. — Ты очень помогла моему клану и моему брату.

— Тебе не нужно было этого делать. — Сказала она в ещё большем замешательстве. — Это я должна благодарить тебя. Я просто друг.

— Друг... у шиноби их не так много. Мой брат... — Тобирама сделал небольшую паузу и продолжил тем же спокойным голосом, указывая жестом на два свитка на столе. — Эти свитки известны как «свитки запечатывания». Если направить в них чакру, то внутри можно хранить предметы.

Прошли несколько секунд, и значение подаренных им предметов дошло до нее. Девушка во второй раз задохнулась от обуявших её эмоций, широко распахнув глаза.

— У вас есть [карманные измерения]? — Последние два слова она произнесла по-английски, отчего Тобирама нахмурился. — То есть, у вас есть способ сделать свиток своего рода... карманом, в котором можно хранить вещи? И он не становится тяжелым?

Тобирама выглядел довольным.

— Да, всё так. Свиток — это своего рода дверной проем. Не хочешь ли ты попробовать использовать его?

— Да!

— Попробуй запечатать книгу.

Положив книгу на свиток, она направила в него чакру и вскрикнула, когда книга исчезла. Она подняла толстый лист пергамента; он был таким же легким, как и любой другой свиток.

— Невероятно. — Прошептала она. Это было более чем невероятно; это могло изменить... всё. Технология, подобная этой, произвела бы революцию в ее старом мире, с ног на голову перевернув международную торговлю, перевозки, всю инфраструктуру. В этом мире она могла бы сделать еще больше. — Что я могу поместить в него? Сколько, прежде чем он перестанет работать? — Спросила она, чувствуя, как нарастает волнение. — А как насчет еды? Или воды?

Тобирама выгнул бледную бровь и улыбнулся.

— Пока объект помещается на бумаге, он должен вписаться и в свиток. Всё, что ниже этой высоты, — он сделал жест, подняв руку на фут над столом, — приемлемо. Если объект слишком большой, то он не запечатается. Пища не портится до тех пор, пока она остается запечатанной. Печать перестанет работать, если вода зальет чернила...

— Еда не испортится?! — Воскликнула Юи. Может ли печать быть похожа на карманное измерение, которое открывается в вакуум? А она-то думала, что чакра уже не сможет ее удивить. У нее голова шла кругом от всех возможных вариантов применения этой технологии. — Если я положу туда что-то горячее, будет ли оно по-прежнему горячим, когда я его вытащу?

— Да.

Она села, ошеломленная.

— Я... боги. — Останавливала ли печать время? Или она была просто изолирована от всего мира? И что из двух вариантов более невероятно?

— Не клади ничего и никого живого внутрь печати. — Запоздало добавил Тобирама. — Потому что оно гарантировано умрёт.

Юи уставилась на свиток. Как эта технология еще не изменила весь мир?

— Как вы это сделали? Почему больше людей не... — Она остановилась и посмотрела на него.

Тобирама отвёл взгляд.

Точно. Как она могла забыть.

Шиноби не делятся тем, что даёт им преимущество, независимо от того, скольким людям это помогло бы. Тем не менее, она должна была попытаться.

— Ты можешь научить меня делать такие свитки?

— Не могу. — Низкий, четкий и решительный, это был голос человека, которого невозможно переубедить.

Юи взяла другой свиток, и ее энтузиазм сменился разочарованием. Ей стало интересно, насколько распространены эти запечатывающие свитки и что вообще такое «печать». Возможно, она могла бы послать письмо Мамото с запросом разузнать о них, или спросить у одного из своих постоянных торговцев.

— Тобирама-сан, как...

Он резко поднялся, положив руку на меч. Его внешний вид кричал об обуявшем мужчину напряжении; лицо стало пустым, а воздух слегка потрескивал от холодной, острой чакры.

— Встань позади меня.

— Что...

— Юи-сан, встань за мной. Сейчас же.

Она встала. Дверь открылась.

<http://tl.rulate.ru/book/69328/2007049>